

справедливость вышеизложенной оценки. Представители православной общественности вместе со скинхедами (!) проводили пикетирование двух гей – клубов. После призыва сотрудников милиции о необходимости прекратить несанкционированный пикет и разойтись, участники пикета начали громить автомобили и витрины магазинов, пострадал один сотрудник милиции, избитый дубинками³². Вот таким образом наши доморожденные православные борцы за «нравственность» собираются обеспечить более высокий уровень прав человека в России.

Биккина Ю.Е., Суслонов П.Е.

*Антиномия христианского понимания права и государства:
евразийский взгляд на проблему*

Учитывая специфику евразийства как не просто теоретической системы, а мировоззрения, претендующего на роль идеологии, следует отметить, что евразийцы не могли быть в стороне от оценок исторически существующих в России форм политической власти и государственного устройства. Однако евразийцы делали это на ином уровне, нежели славянофилы и западники. Это был именно теоретический, философский и даже богословский уровень. Н.Н. Алексеев в своей работе «Идея «земного града» в христианском вероучении» даже коррелирует государственно-правовые формы с религиозными модусами. Государство и общество иудеев Ветхого Завета есть прообраз современного либерально-демократического строя Запада. Ветхозаветная иудейская теократия – это абсолютизация власти закона, то есть один из краеугольных принципов современного «правового государства» Запада: закон выше власти. Власть относительна, правитель – это сотрудник, наемный работник, заключивший контракт с обществом, последнее же передает ему определенные права и полномочия, но может и потребовать их обратно.

сборник нормативно-правовых актов. Екатеринбург: Изд-во УрЮИ МВД РФ. 2002. С. 6.

³² Новый В., Степанов А. ОМОН прикрыл тыл Гаям // Известия. 3 мая 2006 года. № 77.

Сказанное выше требует серьезной аргументации, и сам же Алексеев признает, что Ветхий Завет в учении о государстве противоречив в зависимости от того, какие периоды политической истории древнееврейского народа перед нами предстают. Известно, что идеологи православной самодержавной монархии обосновывают свои концепции ссылками именно на Ветхий Завет, примерами благочестивых древнееврейских царей. Но подлинное христианское учение о политической власти и государстве расходится с тем, что мы видим в Новом Завете. «Первые семена вдохновенных религией скептических оценок государства мы находим в древнееврейских религиозных преданиях. Из всех древних народов только одни евреи дошли до развенчания государства – и притом не с точки зрения светского ренессанса, как это было, например, в эпоху греческого просвещения, но с точки зрения глубочайших религиозных верований» (Н.Н. Алексеев. Идея «земного града» в христианском вероучении // Журнал «Путь» Орган русской религиозной мысли №5, октябрь-ноябрь 1926, периздание М. Информ-Пресс, 1992. С. 554).

Текст Ветхого Завета показывает, что древнееврейский народ выделяется на фоне остальных народов древности своеобразным отношением к государственной власти. В Ветхом Завете эта концепция не излагается в систематизированном виде, но оно может быть реконструировано из духа «общей интенции Израиля» (Там же).

Во-первых, собственно государственная история Израиля начинается позже политической истории. Долгое время древние израильтяне имели форму правления, известную под названием «теократия» – власть Бога. Теократия в реальной политической истории и действительности всегда представляла как альтернатива и даже оппозиция государственной власти. «Симфония» духовной и светской властей была, к сожалению, труднодостижимым идеалом в политике. Но в древнееврейском политическом сознании это переживание особенно остро. Для верующего израильтянина власть не является абсолютной ценностью. Судья израильский Гедсон в Ветхом Завете отказывается от власти,

говоря своему народу: «Ни я ни буду владеть вами, ни мой сын не будет владеть вами, Господь да владеет вами» (Ветхий Завет. Книга судей 8:22). царский период в истории древнего Израиля – это отнюдь не благодатный период, а выражение отступления богоизбранного народа о Бога, когда Самуил, израильский судья и пророк, поставил на царство Саула, это была уступка нравственному разложению среди народа. Только такой безблагодатный шаг как «меньшее зло».

Ветхозаветный политический дискурс рассматривает возникновение царства как переход на более низкий уровень духовного развития. Обратимся к вышеназванному эпизоду древнееврейской истории. Самуил был явно не в восторге от просьбы своего народа. И так поставить над ними царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов. Самуил этого не хочет, но Бог велит ему послушать голос своего народа, единственное при этом объяснив духовное последствие этого шага. А последствие такое, что обретение царства и царя становится переходом в рабство, причем добровольное, то есть имеющее духовное основание: «И пересказал Самуил все слова Господа народу, просящему у него Царя. И сказал, вот какие будут права царя, который будет царствовать над ними: сыновей ваших он возьмет и приставит к колесницам своим и сделает всадниками своими, и будут они бегать перед колесницами его. И оставит их у себя тысяченачальниками и пятидесятниками и чтобы они возделывали поля и жали хлеб его и делали ему воинское оружие и колесничий прибор его. И дочерей ваших возьмет, чтобы они составляли масти, варили кушанье и пекли хлеб. И поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим. и из посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть и отдаст евнухам своим и слугам своим. И рабов ваших и рабынь и юношей ваших лучших и ослов ваших возьмет и употребит на свои дела. От мелкого скота вашего возьмет десятую часть; и сами вы будете его рабами. И возстоните тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда» (Библия. Ветхий Завет. I Книга Царств. 8). Таким образом, монархия для древнееврейского

политического самосознания – это очень несовершенная форма правления, а монархический период в истории Израиля – это период упадка. Не случайно почти все древнеизраильские цари, за исключением, и то с некоторой натяжкой, Давида и Соломона, это отрицательные в нравственном и политическом отношении персонажи.

Антитезой греховной монархии является теократия, непосредственная власть Божьих пророков и судей. Н.Н. Алексеев считает, что при этом древнееврейская теократия имеет большое сходство (в фундаментальных принципах) с западной демократией. Известный православный исследователь и популяризатор Ветхого Завета А.П. Лопухин писал: «При рассмотрении политического устройства в Моисеевом государстве невольно поражает сходство с организацией государственного управления Соединенных Штатов Северной Америки... Колена по своей административной самостоятельности вполне соответствуют штатам, из которых каждый представляет также демократическую республику. Сенат и палата вполне соответствуют двум высшим группам представителей в Моисеевом государстве – 12 и 70 старейшинам... после поселения в Палестине израильтяне сначала (во времена судей) составляли схожую республику, в которой самостоятельность отдельных колен доведена была до степени независимых государств» (А.П. Лопухин. Законодательство Моисея. СПб., 1882. С. 233). Стоит вспомнить, что форпост западной демократии – Соединенные Штаты Америки – были основаны и создавались протестантами, то есть христианами, которые особое значение придавали идеям и принципам Ветхого Завета.

Ветхозаветные пророки не просто боролись против «царебожия», то есть тогдашнего политического «культа личности». Это логически вытекало из принципов строгого монотеизма: невозможно тварное считать абсолютным началом даже в политической сфере. Земная слава, земное величие бренно, преходяще, неизбежен крах вечного властителя: «Ибо грядет день Господа Саваофа на все гордое и высокомерное и на все превознесенное – и оно будет унижено... И падет величие человеческое, и высокое людское унижится»

(Библия. Ветхий Завет. Книга пророка Иеремии. 13:18). «Сними с себя диадему и сложи венец... униженное возвысится и высокое унижится» (Библия. Ветхий Завет. Книга пророка Иезекииля. 21:26). Религиозный настрой ветхозаветной веры позволяет не надеяться на человека: «Проклят человек, который надеяться на человека» (Библия. Ветхий Завет. Книга пророка Иеремии. 17:5). Следовательно, нельзя надеяться и на государство, как дело рук человеческих. Существует известный стереотип, согласно которому христианство как библейская религия равнодушно к государству, праву, политике. Но при ближайшем рассмотрении библейских текстов видно, что политика оценивается как греховное, а государство предстает в образе «царства духа тьмы», некоего монстра: «В тот день поразит Господь мечом своим тяжелым и большим и крепким Левиафана, змея прямо бегущего и Левиафана, змея изгибоползающего, и убьет чудовище морское» (Библия. Ветхий Завет. Книга Исаии. 27). Ветхий Завет указывает не на отдельные пережитки тех или иных государств и царей, а ставит под сомнение саму идею государства.

Но особенно ярко идея государства отвергается в той части библейского учения, которую принято называть эсхатологией или апокалипсисом, то есть повествовании о грядущем конце человеческой истории. Конец истории – это финальная битва между Богом и дьяволом, Христом и антихристом, и государство в этой битве имеет однозначно негативную функцию инструмента власти антихриста. В конце времен уже не будет даже нейтрального по отношению к христианской вере государства. История человечества – это процесс постепенной духовной деградации государственности от язычества к антихристианству. В откровении Иоанна Богослова подчеркивается, что мировая политическая история – это закономерный регресс, процесс метафизического противостояния Бога и дьявола. Государства в этом процессе выступают как страшные звери, которые постепенно сменяют друг друга, шествуя путем зла.

Итак, Н.Н. Алексеев предельно заостряет вопрос о том, что христианство более совместимо с демократией, нежели чем с монархией, если следовать его

библейским корням. Но вместе с тем, будучи идеологом евразийского движения, в его государственно-правовой части Алексеев не может обойти стороной вопрос о духовных основаниях государства России – Евразии, о его исторических корнях и будущих политических перспективах. В статье «Идея «земного града» в христианском вероучении» он выдвигает концепцию двух социально-политических моделей, которые зарождаются в рамках монотеистической библейской веры Ветхого и Нового Заветов, но затем радикально расходятся в своем понимании сущности государственной власти. Эти модели, следуя евразийскому дискурсу, условно можно назвать «западной» и «восточной». Это разделение отнюдь не тождественно противопоставлению Ветхого и Нового Заветов. Н.Н. Алексеев показывает, что «Восток» и «Запад» как модусы интерпретации христианства в его приложении к политической реальности, существовал на протяжении всей христианской истории. Такая постановка вопроса весьма актуальна в наши дни, когда идет речь о единстве европейской, «белой», «христианской» цивилизации перед лицом угрозы со стороны «бедного юга», «исламизма» или бурно развивающейся «конфуцианской» цивилизации. Насколько мы действительно едины с Западом. Что нас объединяет в культурном, политическом, религиозном и экономическом планах? Носит ли наше единство тактический, прагматический смысл или у нас есть общие глубинные ментальные черты?

Не подлежит сомнению, что и Россия, и Запад суть христианские цивилизации. И там, и там, на становление политики, государства и права решающее воздействие имело христианство. Но почему же мы столь разные, в первую очередь именно в политико-правовой сфере?

Бесполезно искать ответ на этот вопрос, обращаясь к официальным положениям, догматам христианства. На сверхполитический характер государства справедливо указывает Бердяев, пытаясь обосновать свой собственный критицизм по отношению к государству и праву: «Христианство не отрицает государства и власти... не призывает к насильственному изменению политического строя... не имеет в догматическом сознании обоснованной

связи с монархией или с другой какой-либо формой» (Н.А. Бердяев. Царство Божие и царство кесаря // Журнал «Путь». № 1. Переиздание. Информ-Погресс. М. 1992. С 40-41). Действительно, в христианском, евангельском учении заложен принцип лояльности по отношению к власти. Но даже поверхностное знакомство с историей христианства показывает, что этот принцип был теоретическим, а не практическим и действительным. «Христианская политика» – само словосочетание должно было бы звучать парадоксально, но, увы, оно выражает реальные события, действия и идеи.

Христианство, будучи по собственным словам, «альфой» и «омегой», положило начало развитию принципиально различных модусов обоснования политики, государства и права: западного, европейского и восточного, «евразийского». И тот, и другой модус несет в себе христианский дух, но при этом в социально-политической сфере приходит к совершенно различным результатам.

Западная христианская философия государства и права берет начало в учении Августина «Ограде Божьей и граде земном». В этом известном произведении средневековой христианской мысли по сути дела отрицается земное государство через противопоставление его истинному небесному государству. В своих умозрительных построениях Августин опирается исключительно на авторитет Библии.

Согласно Августину, земное государство метафизически произошло в момент восстания против Бога части ангелов, в человеческой же истории это был момент грехопадения. Основателем первого земного государства был братоубийца Каин. Этот религиозный образ указывает на факт, что в основе всякого государства лежит насилие и пролитие крови. Августин формально-логически доказывает, что земное, языческое государство не является государством в истинном смысле этого слова. Доказательством является следующее суждение. Согласно определению Цицерона, государство – это общенародное дело (RES PUBLICA). Народ же это общность людей, связанных узами всеобщей пользы, такая связь называется справедливостью.

Но много ли можно назвать государств, где присутствует справедливость, где польза действительно является всеобщей и общенародной? Более того, даже языческое понятие справедливости внутренне противоречиво. Справедливость – это воздаяние каждому своего. Но если у человека нет понятия об истинном Боге, значит у него нет и видимых критериев справедливости, блага, добра и зла. Следовательно, нехристианское государство – это государство нечестивых. Однако Августин не был так прямолинеен, как это может показаться на первый взгляд. По словам Августина, в возникновении государства играет роль не только наличие правильных идеалов, но и общая любовь народа к этим идеалам. Если весь народ любит хотя бы и не очень правильные идеалы, то это уже государство, пускай даже и не очень правильное.

Итак, Августин пришел к известному выводу, что критерием, мерилom государственности являются надэмпирические, внесоциальные инстанции. Не всякое государство достойно существовать. (Об учении Августина излагалось по статье Н.Н. Алексеева «Идея «земного града» в христианском вероучении» // журнал «Путь». № 5, октябрь-ноябрь 1926 года). Однако сама по себе католическая церковь не была последовательной сторонницей демократии, хотя и апеллировала к демократическим модусам в борьбе со светским государством.

Протестантизм пошел в своих выводах дальше, связывая свою социально-политическую концепцию с демократическими принципами, эксплицитно, по мнению протестантов, содержащуюся в Библии.

Сам «протест» этих христиан был направлен против католической иерархии. В протестантской общине управляют все, а ее глава является всего лишь председателем.

У современной демократии можно отыскать религиозные, протестантские корни. Обычно указывают на английских пуритан, кальвинистов и особенно на гуситов (чехов – последователей Яна Гуса). Они считали, что истинным правителем христиан может быть только Бог. В том случае, если король не следует заповедям христианской веры, он уже не

король, а обычный человек. Таким образом, власть, оказывается в руках «народа Божьего», он ее единственный источник (см. Bezolo. Zur Geschichte der Hussitentums. 1974. S. 45).

Христианское же мировоззрение подразумевает либерально-демократические идеи свободы и равенства, так как христиане – это уже не столько рабы, сколько сыны Бога и братья между собой. Истинные христиане должны соединиться в общем, которое подчиняется Богу через свободное заключение с ним договора (Завета).

Исходя из этого становится понятным стремление многих современных протестантских деноминаций выстраивать свою социально-политическую концепцию по меркам Ветхого Завета (хотя для христианина, поначалу это может показаться странным). Древнееврейское ветхозаветное государство есть для протестантов образец праведного христианского государства.

Исследуя религиозные (протестантские и католические) корни западного понимания власти и государства Н.Н. Алексеев показывает религиозно-политическую дилемму: либо признать (опираясь на Ветхий Завет), что христианство ближе к западной демократии, а не к традиционной монархии, либо усомниться в обязательности для истинного христианина ветхозаветного канона в социально-политической части.

Алексеев, как уже говорилось выше, противопоставляет восточную и западную модель власти, несмотря на то, что корни и той, и другой можно отыскать в христианском учении. Западная модель предполагает демократию, религиозным прототипом которой являются либо протестантское учение о теократии, самоуправлении «народа Божьего», либо католический папозецаризм как верховенство духовной власти над светской.

Оригинальность Н.Н. Алексеева как выразителя евразийского дискурса политики и государства и права заключается в понятии реконструкции (теоретической) иной, альтернативной социально-политической модели. По его мнению, стоит наконец разрешить вопрос: почему в обществе издревле бытует стойкое убеждение, что монархия – это естественная политическая форма,

признаваемая исторически христианством, особенно православием. В то же время – в уже цитируемой нами статье из журнала «Путь» Алексеев показывает, что идейно-мировоззренчески монархии не обосновываются ни ветхозаветными примерами и концепциями, ни новозаветным, евангельским принципом христианской лояльности по отношению к власти.

Евразийство, являясь продолжателем традиций «русской идеи» не могло пройти мимо этого мировоззренческого пласта. Во-первых, православное христианство признавалось атрибутивным компонентом этой самой идеи. Во-вторых, православная самодержавная монархия, авторитарные традиции политического правления так же являются неотъемлемой частью отечественной ментальности. Н.Н. Алексеев как евразийский мыслитель берется найти религиозное, христианское обоснование известным чертам национальной политической традиции и наоборот, показать, что христианская, православная традиция может иметь особое, евразийское преломление. Этой проблеме, например, посвящена статья из журнала «Путь» № 6 за 1927 год «Христианство и идея монархии». В этой статье выделяется несколько принципиальных моментов.

Монархия имеет религиозное происхождение, коренится в первобытной магии, первыми авторитарными правителями были древние маги и кудесники. Это вытекало из мифологического мировоззрения древнего человека, основанного на убеждении в возможности и необходимости общения с миром духов, которые есть часть жизненной реальности. Маг обладает реальной способностью соединять «эту» и «ту» сторону реальности, он выступает в роли Бога – подателем благ и поэтому имеющим возможность и право управлять. «Кто хочет понять истинное существо древнейших монархических учреждений, тот должен понимать, что они не отделимы от идеи царебожества, о отождествления царя с Богом. Древняя монархия мертва, бездушна, непонятна, если только отделить ее от этой идеи» (Н.Н. Алексеев. «Христианство и идея монархии» // Журнал «Путь» № 6. переиздание Информ-Прогресс. М., 1992).

Мотивы царебожия можно проследить в мировоззрении практических всех известных древнеязыческих народов. Земной царь у них воспринимается как отражение царя небесного, а политические отношения – как копирование отношений, существовавших в высших сферах. В качестве примера Алексеев приводит воззрение Конфуция, согласно которому, властитель является «сыном» неба, носителем, воплощением безличного нравственного принципа. Уместной представляется параллель между «мировым разумом», «Абсолютной идеей» философии Гегеля и «небом» как религиозно-этическим понятием в каонфуцианстве. В древнем Египте это политическое мировоззрение было выражено еще более ярко, в личной форме фараона как земного воплощения божества.

Таким образом, в дохристианском, древнем языческом политическом мировоззрении существовала особая политическая доктрина религиозного монархизма. Выделим ее характерные черты:

1. Царь (монарх) есть предмет религиозного культа и обладает сверхестественными чертами. До появления земных царств атрибуты царской власти уже находились «на небе» в иной Божественной реальности (вспомним Платона с его «эйдосами» и «идеальным государством»). Скипетр, держава, корона и т.п. атрибуты царской власти «венчают» монарха, то есть снисходят с неба. В христианскую эпоху это выражалось в таинстве миропомазания вступающего на престол, что являлось сообщением ему особой Божественной благодати. Поэтому с момента вступления на престол жизнь царя уподобляется небесной жизни, его дворец – храму и т.д.

2. Поскольку власть и монархия имеют духовное, сакральное, религиозное измерение и он является носителем абсолютной Божественной истины, то есть его власть тоже является абсолютной, универсальной, распространяющейся на всю Вселенную. Царство должно быть беспредельно во времени и пространстве, то есть быть универсальной Империей. Например, египтяне считали, что фараон «как солнце освещает всю Вселенную», китайцы полагали,

что мир вращается вокруг Поднебесной Империи, а вавилоняне и ассирийцы рассматривали своих владык как мировых.

3. Абсолютность власти проявлялась и в том, что она стояла выше нравственных и юридических законов, «по ту сторону добра и зла». Царь должен быть «грозным», то есть внушающим страх и ужас, носителем «божественного террора». Это необходимо для того, чтобы эффективно защищать подданных, быть хранителем, «гарантом» их жизни и благополучия. Царь – судья, царь – мститель, но и царь – спаситель и избавитель.

4. Отношения между подданными и царем не может рассматриваться юридически, а носят глубоко нравственный характер отношений между «детьми» и «отцом». Патриархальный характер имеют все древние монархии. При таком политическом устройстве подданные не имеют «прав» в современном понимании этого слова, а только обязанности непрерывного повиновения воле «отца». Неповиновение царю рассматривалось не просто как правонарушение, а как богохульство. Особо тяжким грехом считалось цареубийство.

В эпоху греческой и римской античности традиции царебожества были продолжены, будучи дополнительным героем (апофеозом). обожествление, почитание, культивирование в этом случае шло с двух сторон: со стороны народа правитель обожествлялся как герой и в то же время он получал сакральное посвящение. Наиболее ярко это представлено в случае Александра Великого.

В свете всего вышесказанного идея христианства и идея монархии уже не кажутся совершеннейшими противоположностями, как это можно представить в радикальных иудейских и протестантских интерпретациях. Христианство появилось в определенной культурной среде, которой была понятна и близка идея царя-спасителя. Древнееврейский народ ждал своего Мессию как царя, ожидая от него политических действий по освобождению от иноземного ига, ожидали видеть в нем политического вождя-героя. Но древнееврейское религиозное и национальное осознание натолкнулось тут на парадокс,

неразрешимость которого повлекло духовную катастрофу еврейского народа (с христианской точки зрения). Иисус Христос свидетельствует о себе как носителе сакрального начала, могущего, но не желающего земного царства. Христос проповедует Царство Божие (Небесное), лежащее вне пространственно-временных характеристик. Войти в него можно только через внутреннее, нравственное преобразование: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное» (Библия. Новый Завет. Евангелие от Матфея 18, 4; Евангелие от Луки 18, 17). «Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою» (Там же. Евангелие от Матфея 9, 35). В этом новом царстве не будет властных, иерархических отношений в языческом или современном светском смысле этого слова. Главное в этом царствовании – не властвование, а жертвенное служение друг другу: «Был же и спор между ними, кто из них должен почитаться большим. Он же сказал им: цари господствуют над народами и владеющие ими благодетелями называются. А вы не так: но кто из вас большой будь как меньший, и начальствующий, как служащий. Ибо кто больше: возлежащий, или служащий? Не возлежащий ли? А Я посреди вас, как служащий» (Там же. Евангелие от Луки 22,24).

Христос, отвергнув искушения дьявола, предлагавшего ему все царства мира, свершил для языческого мировоззрения неслыханное: усомнился в абсолютной ценности власти, поставив Бога выше всякой власти: «отойди от меня, Сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и ему одному служи» (Там же. Евангелие от Матфея 4, 10).

Новое учение явилось антитезой идее языческой монархии и может быть именно поэтому в первые веки было враждебно встречено окружающими языческими народами. Именно неприятие царебожества было причиной гонений на христиан в Римской империи, представители которой обвиняли христиан в нелояльности к государству. Этот момент, его осмысление было серьезнейшим камнем преткновения для множества мыслителей, которые интерпретировали христианство в духе философско-правового нигилизма и анархизма: от радикального отрицания государства и права Л. Толстым до

умеренного сомнения в возможностях государства решать значимые для человека проблемы у Н. Бердяева.

Ключевым моментом евразийской теории государства Н.Н. Алексеева было диалектическое преодоление этой философско-правовой антиномии. «Действительно, христианство понижает ценность идеи государства, однако это еще очень далеко от анархизма. Христианству совершенно чужда их самолюбивая боязнь авторитета, которая столь характерна для анархически устремленных душ. Евангелие учит не безвластию, оно только не усматривает во власти самой по себе никакой безусловной ценности. Только служение и жертва освящают, делают правомерной власть – вот основная политическая мысль евангельской проповеди» (Н.Н. Алексеев. «Христианство и идея монархии» // Журнал «Путь» № 6, январь 1927. С. 16, переиздание Информ-Прогресс. М., 1992 С. 664). Автором предлагается заимствование у Л. И. Петражицкого деление власти на власть господскую и власть социального служения. Только последний вид власти приемлем христианским сознанием. Христианство решительно отвергает любые формы деспотизма, тирании, тоталитаризма, при которых утверждается богоподобность, самоценность власти.

Вместе с тем, неверно утверждение, что христианство совершенно отвергло представление о государстве как прообразе, копии, подобии Божественного порядка. С христианской точки зрения, все тварное бытие, к которому относится и государство, повреждено первородным грехом, но при этом несет печать Творца. Государство и право необходимы для исполнения внешней функции упорядочивания социума в условия исторического бытия. «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящийся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он

не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» (Библия. Новый Завет. Послание святого апостола Павла к Римлянам, 13:1-5).

Апостол говорит не об отдельных правителях, а рассматривает сам принцип власти как богоустановленный, необходимый для каждого общества, без которого воцаряется анархия. В своей жизни Павел не раз убеждался в ценности римского правового порядка (см. например, Библия. Новый Завет. Деяния апостолов 16:35-39; 18:12-15; 21:32-40). Христианство не предлагает собственного варианта политической структуры, предоставляя здесь человеку свободу. Однако из ст. 4 явствует, что Павел подразумевает правовое и законное правление, которое обуздывает социальное зло. Такой власти следует повиноваться «по совести». Разумеется, речь идет лишь о гражданских обязанностях, в частности, об уплате налогов. В сфере же духовной верующему надлежит повиноваться Богу, а не людям

Таким образом, царь в христианстве не имеет божественной сути, а являет должность, функцию служения обществу. Христианский подход к государственной власти был явно прогрессивным с современной точки зрения, так как отстаивал идею «правового государства», власти, ограниченной высшей инстанцией, законами и нравственными принципами. Царь – это просто высшая должность, функция которого состоит прежде всего в справедливом суде. Но и над ним тоже есть суд. Казалось бы очень просто придать отношениям царя и народа исключительно юридический характер. Однако и после легализации христианства сохраняется тенденция придания монархии сакральных черт. И если в западном христианстве это выражалось в папоцезаризме – стремлении устроить Церковь по образцу государства, то в восточном христианстве, в Византии, а затем и в Московской Руси возник так называемый цезарепапизм. Есть несколько версий корней данного явления. В частности, это объясняется азиатским влиянием на Византию и Русь.

Черты цезарепапизма имеет политическая концепция московской монархии, принадлежащая Иосифу Волоцкому, известному религиозному деятелю времен Ивана III. Н.Н.Алексеев ставит под сомнение православный христианский характер такой власти, считая ее примером языческого комплекса национальной ментальности. Основная идея этой идеи следующая: царь – это не должность с ограниченными правом функциями, а носитель божественных предикатов «Бог себе вместо посадил на престол своем...царь убо естеством подобен есть всем человеком, властью же подобен высшему Богу» (Н.Н.Алексеев цитирует издание профессора Дьяконова «Власть московских государей»). Согласно этой концепции, царь обязан прежде всего заботиться о спасении душ своих поданных, борясь с еретиками силовыми методами, обрушивая на их головы всю мощь государственной власти. «Мы убо, гласит Завет, неверующих во святую и единосущную Троицу повелеваем мечом посечь и богатство их на расхищение предати... Также и Вам повелевати творити: бози бо есте и символ Вышнего, блюдите же, да не будете сыновья гневу, да не изомрете, яко человеци и во пса место сведения будете в ад» (Там же). Причем осуществлять духовно благие цели царю предлагалось с помощью «премудрого коварства» по примеру «западных коллег из святой инквизиции». Но в отличие от последнее, по мнению иосифлян (сторонников и последователей Иосифа Волоцкого), царь должен стоять над государством и Церковью, приобретая характер первосвященника.

На практике «иосифлянство» успешно воплощал Иван IV, «грозный царь», создавший концепцию абсолютизма, православную по форме, но восточно-деспотичную, языческо-монархическую по сути. Согласно этой концепции, земное государство – отражение небесного, а земной царь-это «викарий», наместник Бога на земле. Иван Грозный не допускал мысли, что государство и царь могут быть несовершенны, так как принадлежат к тварной, испорченной грехопадением, природе. Иван Грозный полагал, что Бог непосредственно передал свои политические функции православным царям, начиная от Константина, и заканчивая им самим. Как носитель абсолютной

истины, он является мировым владыкой, то есть воспроизводит уже упоминаемый нами языческий империализм, стремление быть универсальным правителем: одновременно и добрым, и злым, имеющим право и возможность и карать, и миловать по своему усмотрению.

Н.Н.Алексеев далек от того, что бы считать «иосифлянство» законченным евразийским политико-правовым идеалом. Напротив, для него это всего лишь одна, исторически обусловленная ориентация евразийского правового сознания, которая и приводит к цезарепапизму, воплощенному во многих восточных деспотиях.

В тоже время папоцезаризм, приводящий на практике философско-правовому, государственному нигилизму и воплощенный в современных западных демократиях, еще дальше отстоит от евразийского идеала.

Итак, мы выяснили, что западное (католическое и протестантское) христианство порождает либерально-демократическую модель. В России же исторически складывалась иная, но тоже христианская социально-политическая доктрина. Эта доктрина зародилась в Византии как восточное «евразийское» христианство. Такое понимание есть диалектический сплав евангельского христианства с дохристианским (языческим) представлением о сакральности политической власти. В отличии от восточных деспотий василевс не обожествлялся, а ставился на служение высшим принципам Церкви. Царь – это не столько юридическое, сколько религиозно-мистическое понятие. Император не отбирает у Церкви духовные полномочия, а освящает, духовно легитимизирует свою власть. Религиозный лидер (патриарх) в духовном отношении стоит выше, а в политическом уступает место своему духовному чаду-царю.

Франц В.А.

Информационный аспект коммуникации

Важнейшей функцией речи является коммуникативная, т.е. обслуживание процесса коммуникации. Коммуникационный процесс можно рассматривать